

ББК 87.8
УДК 18:001.11

Т.В. Шоломова

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ*

Рассматривается понятие «интеллигенция» в исторической перспективе. Среди исследуемых аспектов: неопределенность самого понятия; трансформация в последние годы советской власти вопроса о «долге перед народом» в проблему доступности материальных благ; отсутствие людей, желающих называться «представителями интеллигенции» в современном обществе, поскольку русская интеллигенция, возможно, эволюционировала в «средний класс», которому свойственно более спокойное отношение к материальным благам и более требовательное отношение к государственной власти.

Ключевые слова:

власть, идеал, интеллигенция, культурный интегратор, материальные и духовные блага, нравственность, народ, средний класс, ценность.

Вопрос о ценностных ориентирах отечественной интеллигенции был и остается актуальным. Не менее животрепещущей является проблема, какую социальную группу следует называть «интеллигенцией», каковы ее характерные признаки и существует ли она сегодня. Под интеллигенцией обычно понимаются «работники умственного труда, обладающие образованием и специальными знаниями в различных областях науки, техники и культуры» [19, с. 231]. Однако всегда было известно, что русская интеллигенция имеет какие-то особые черты, отличающие ее от интеллектуалов в западноевропейском понимании: «появление в определенной точке пространства, в определенный момент времени совершенно уникальной категории лиц, <...> буквально одержимых еще некоей нравственной рефлексией, ориентированной на преодоление глубочайшего внутреннего разлада, возникшего меж ними и их собственной нацией, меж ними и их же собственным государством» [16, с. 221].

Интеллигенции приписывали прямо противоположные свойства: если один требовал готовности выражать интересы того или иного класса [2, с. 4], то другой – особой нравственности («служение обществу и народу, нравственный аскетизм, приверженность

высоким идеалам, критическое отношение к власти, готовность пожертвовать личным благополучием ради общественного блага» [28, с. 481]). В понятие «интеллигенция» («неуловимая общественно-культурная субстанция» [15, с. 92]) на протяжении его существования вкладывали настолько разные смыслы, что оно проецировалось практически на любую группу населения, исходя из убеждений и интересов дающего определение [11, с. 702], давало возможность использовать его для обслуживания самых разных политических интересов [6, с. 13].

Интеллигенции было свойственно «критическое отношение к власти» [14], благодаря которому ее можно было определить как «интеллектуальную оппозицию, воспринимаемую как общественная сила» [26, с. 193]. Это особое отношение к власти связано, скорее всего, с возникновением интеллигенции не естественным историческим путем, а по указу Петра I, с неспособностью в реальности влиять на политическую ситуацию, что приводило к «глубочайшему внутреннему разладу с государством». Чувство вины перед народом, не менее важное для самоопределения интеллигенции, основывалось на осознании отсутствия равенства социальных возможностей, но, к концу существования совет-

* Статья подготовлена в рамках проекта 12-03-00411 2011-09-27 Аксиосфера современности: философско-эстетический анализ и нравственное обоснование социокультурных практик.

ской власти, превратилось в постоянное переживание о неравной доступности материальных (реже – духовных) благ.

Что касается «нравственного аскетизма», то в реальности склонность к нему вызывала, скорее, насмешку. Скажем, образ советского физика, сложившийся в середине XX в. в отечественном искусстве, был таким: «Положительный физик поет под гитару, танцует твист, пьет водку, имеет любовницу, мучается различными проблемами, дерзает, борется профессионально, бьет по морде отрицательного физика, а в свободное время жертвует собой ради науки» [4, с. 101]. Составитель сборников «Физики шутят», и «Физики продолжают шутить», откуда приведена цитата, доктор физических наук В. Турчин стал впоследствии одним из самых активных и видных советских диссидентов [4, с. 336–337]. Комментировать это обстоятельство можно в том смысле, что «критическое отношение к власти», свойственное лучшим представителям отечественной интеллигенции, проявилось в данном случае не только в молчаливом несогласии; либо что шутки по поводу возможности нарушения даже отдельных моральных заповедей работником умственного труда до добра не довели, а довели до измены Родине.

Поскольку в свое время представители интеллигенции, определяя свое отношение к народу и власти, написали сборники «Вехи» и «Интеллигенция в России» [5], а потом целые тома в качестве комментария к этим сборникам, примем во внимание громадное значение этого события для последующей культуры, – и обратимся к современности.

Сегодня интеллигенцию как политическую силу практически никто не вспоминает; вернее, нет людей, даже политически активных, которые сами бы себя желали называть интеллигенцией (вероятно, именно по этой причине столетний юбилей «Вех» не стал резонансным общественным событием). Так, вышедшие в декабре 2011 г. на Болотную площадь о себе говорили как о «буржуазной толпе» [17]. Упоминание интеллигенции в связи с нынешним возрастанием политической активности возникает, скорее, как эксцесс: когда С. Говорухин процитировал известные слова Ленина [7], никто не обиделся, потому что некому стало обижаться. С. Юрский говорил о том, что такой прослойки, как интеллигенция, больше нет [31]. Редко кто сегодня признаётся, что относит себя к «русской интеллигенции» [30, с. 166], скорее можно встретить полу-

анекдотические случаи употребления однокоренных слов: «эфирное масло можжевельника <...> развивает благородство и интеллигентность» [25, с. 166]. В то же время в г. Иваново существует НИИ интеллигентоведения, созданный при Ивановском государственном университете в 1998 г. на базе Межвузовского Центра РФ «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества», а также активно развивается такая гуманитарная дисциплина как интеллигентоведение, и принимаются меры по ее внедрению в учебные программы других вузов РФ [12 и 20]. Точку поставил электронный ресурс «Slon.ru» статьей «Стонать или не стонать? Почему интеллигенты чаще имитируют оргазм», где под «интеллигентами» имелась в виду люди, не занятые физическим трудом [8]. Написал статью и так удачно озаглавил ее человек молодой; это значит, что выросло в России поколение людей, не понимающих, о чем идет речь.

За процессом вымирания интеллигенции отечественная культура следит уже давно [27, с. 137–138] и по-разному оценивает его причины и последствия. Есть мнение, что нынешнее молодое поколение – «*потерянное*» – никакими признаками, кроме деградации и многочисленных пороков не обладает; при этом «растление нынешней молодежи на совести властителей дум 60–80-х годов, советской интеллигенции, возжелавшей гласности и демократии... ввергшей страну в системный кризис» [23, с. 168]. Вопрос куда интеллигенция делась, решается по-разному. Так, В.И. Толстых цитирует давнее (1997) высказывание А.А. Гусейнова, что интеллигенция променяла служение народу на самолюбование и пресмыкательство перед властью, нравственный аскетизм – на спонсорские подачки, социалистический идеал – на священный принцип частной собственности [28, с. 481]. Нельзя не обратить внимание, что счет за всеобщую деградацию по традиции не выставляют ни самому народу, ни политической элите, а исключительно интеллигенции.

На излете советской власти в ходе популярных дискуссий о проблемах «вещизма» нередко делался вывод, что обладание нравственными качествами вернее характеризует интеллигентного человека, чем способность воспринимать элитарную культуру (то есть вообще ставилась под сомнение возможность выделять «интеллигента» как представителя умственного труда): «Интеллигентный человек – это прежде всего тот, кто умеет сочувство-

вать и сопереживать другим людям. Вот почему для настоящего интеллигента все люди равны, вот почему даже старушка, всю жизнь прожившая в деревне, тоже может быть интеллигентна. Все зависит от культуры души – понятие это вроде бы расплывчатое, но мы всегда чувствуем, есть оно у человека или ее нет» [24, с. 91]. Один из современных авторов поделился наблюдением, что до сих пор среди «неинтеллектуальных», но глубоко верующих студентов чаще можно обнаружить высококонтрастных людей, чем среди тех студентов, кто определяет себя как «интеллектуала» (гуманитарной ориентации) или «интеллигента» (технаря) [23, с. 179]. В качестве промежуточной версии приведу недавно высказанное мнение о том, что возрождение интеллигенции в современной России начнется с утверждения культуры тела: «трезвый спортивный русский человек, к тому же студент, учащийся в университете, – чем не интеллигент?» [21].

Итак, интеллигенция исчезла, отказавшись от нравственного аскетизма и отрехшись от долга перед народом. Возможно, что она естественным путем эволюционировала в средний класс, к которому во всем цивилизованном мире традиционно принадлежат представители умственного труда. Возникла ситуация прямо противоположная западной, где «старый» средний класс – это предприниматели и капиталисты, а «новый» – «белые воротнички», высококвалифицированные специалисты. У нас, в силу исторических обстоятельств, «старым» средним классом оказались 40 млн профессионалов со специальным образованием, в т.ч. «высокопоставленные партийные функционеры, управляющие в сфере экономики, ученые, официально признанные художники, писатели и другие деятели культуры, а также “сторублевая” интеллигенция, включающая учителей, врачей и других советских профессионалов» [9, с. 102]. Всех этих представителей разных групп надо было бы отличать друг от друга, но критерии различия остались неясными. Советская социология исходила из «уникальности» советского общества, которая делала невозможной его стратификацию по западному критерию дохода и потребления [9, с. 103].

Среди попыток классификации отечественной интеллигенции можно встретить, например, такие:

1. Интеллигенция, которая творчески участвует в преобразении неорганической и живой природы на благо человека и занятая в сфере материального производс-

тва: инженеры, техники, агрономы, врачи, ветеринары, зоотехники, работники естественных и сельскохозяйственных наук;

2. Интеллигенция, непосредственно участвующая в творческом преобразовании социальных отношений, в перестройке общественного устройства (государственные и общественные деятели, ученые в области общественных наук);

3. Интеллигенция, которая в своей деятельности сталкивается непосредственно с каждым человеком (учителя, воспитатели, врачи, тренеры, писатели, художники, артисты) [2, с. 121]. Эта классификация 1967 г. демонстрирует свойственную тому времени убежденность в том, что советский человек должен вторгаться в действительность и переустраивать ее по законам красоты, которую он верно определяет с научно обоснованных классовых позиций [29, с. 142–143]. Что всё – от неживой природы до отдельно взятого человека – при желании могло быть «творчески преобразовано», и этого ожидали от каждого советского интеллигента на его рабочем месте (потом, по мере угасания социального энтузиазма, от представителей интеллигенции уже требовали проявления «нравственных качеств», совершенно необходимых для работы с современной техникой [1, с. 53]).

Про неоднородность интеллигенции (разное образование, разный духовный мир, разное материальное и социальное положение, разные приоритеты у разных ее групп, обслуживающих потребности разных слоев населения) писали и ранее [22]. Первый круг интеллигенции – наиболее широкий, его представители необходимы всем примерно в равной мере – врачи, учителя, инженеры, юристы, офицеры, священники, некоторая часть творческой интеллигенции [22, с. 107]. Второй круг – те, чьими трудами обеспечиваются специфические потребности главным образом самой интеллигенции, – историки, философы, социологи, литературоведы, искусствоведы, некоторая часть писателей, композиторов и художников и т.п. Третий круг – генераторы основополагающих идей, определяющих деятельность всей интеллигенции в целом (национальные гении). Эта классификация определяет отличия в мировоззрении, в жизненных установках тех, кто принадлежит к той или иной группе [22, с. 108].

Современная классификация выглядит так:

1. «Высшая интеллигенция» – люди творческих профессий, развивающие науку, технику, культуру;

2. «Массовая интеллигенция» – врачи, учителя, инженеры, журналисты, конструкторы, технологи, агрономы и другие специалисты;

3. «Полуинтеллигенция» – техники, фельдшеры, медицинские сестры, ассистенты, референты, лаборанты. По уровню жизни преобладающая часть этой страты в России живет за чертой бедности. Если представители второй группы представляют из себя давно сформировавшееся и самовоспроизводящееся сообщество [9, с. 107], то представители третьей группы рекрутируются непосредственно из народа, вступают в брак с представителями народа и легче всего в народ возвращаются. Соответственно, «чувство вины перед народом» должно зависеть не просто от принадлежности к интеллигенции, а от принадлежности к определенному слою интеллигенции, то есть от степени удаленности от народа: среди «полуинтеллигенции» этого чувства, возможно, нет совсем, а вот представитель творческой интеллигенции должен мучиться чувством вины перед народом в полном объеме.

Практически единственный вопрос, который обсуждали в связи с интеллигенцией в последнее десятилетие советской власти – ее отношение к материальным благам, которые на официальном уровне настойчиво предлагалось отвергать (обосновывая необходимость «разумного потребления»), а в реальной жизни люди всеми возможными способами пытались отстоять свое право на обладание ими в обстановке тотального дефицита. Как результат – произвести классификацию по уровню доходов советского человека было очень сложно. Если на Западе семьи, имеющие одинаковый доход, располагают примерно одинаковым набором социальных услуг, то у советских семей приходилось выделять такие дифференцирующие признаки как «бесплатные блага из общественных фондов потребления», «приобретение потребительских товаров по льготным ценам», оплата труда в чеках Внешторгбанка, возможность дать образование детям в престижных вузах, «невидимые доходы», хищения и продажа на сторону производственных материалов, внутригрупповой обмен товарами и т.д. [9, с. 104].

Для интеллигенции доступ к материальным благам и отношение к личным возможностям в деле доступа были напрямую связаны с неоднородностью ее состава – и тут уже совершенно точно значение имела не разновидность преобразуемых природных объектов, а возможность обладать дефицитными товарами, которая усугубляла

чувство вины перед той частью народа, которая не всегда имела к ним доступ, и чувства несправедливости по отношению к тем, которые находились в лучшем положении, чем люди с высшим образованием (работники торговли и ВПК [9, с. 107]). Е. Евтушенко в сатирическом стихотворении «Размышления у черного хода» (1983) отразил это сложное нравственно-психологическое состояние. Героиня стихотворения – дочь стрелочницы из Кокчетова Зина Пряжина, не поступившая в ГИТИС, работает дворником на Арбате при гастрономе и регулярно наблюдает следующую картину вопиющей социальной несправедливости: «У хоккейного чудо-героя / Пахнет сумка «Адидас» тайком / Черноходною чёрной икрой / И мужейным почти бальком. / Вот идёт роковая певица, / Всех лимитчиц вводящая в транс, / И предательски гречка струится / Прямо в дырочку сумки “Эр Франс”» [10, с. 753], – и т.д. Сам Евтушенко продемонстрировал промежуточное покаяние («...следы на руках всё стыдней / От политых оливковым маслом / Ручек тех черноходных дверей» [10, с. 753]), вспомнил полуголодное детство, выразил опасение, как бы «им» не удалось «в их “Адидас” впахнуть, как в мешок, / Знамя красное государства» и сформулировал идеологически верный вывод: «Разве с чёрного хода когда-то / Всем народом вошли мы в Рейхстаг?!» [10, с. 754].

На самом деле вот так и выглядела к излету советской власти интеллигентская попытка «преодоления глубочайшего внутреннего разлада, возникшего меж ними и их собственной нацией»: в выражении стыдливости, что у меня есть то, чего у народа нет (оливковое масло), и в заверениях, что существуют гораздо более значимые ценности (победа во Второй мировой войне), но победу над идеологическим противником должен был одержать все-таки не представитель творческой интеллигенции (автор стихотворения), а девушка из народа Зина: «Не стесняйся, свой голос возвьсь» [10, с. 754].

Похожие комплексы и рассуждения можно обнаружить в уже упоминавшихся дискуссиях о проблемах «вещизма», целью которых было обосновать превосходство духовных благ над материальными. Так, в «Комсомольскую правду» прислал письмо какой-то «коллективный автор» из Ленинграда, обладающий не имеющей аналогов способностью «поставить серию фильмов, пронизанных тончайшим ароматом сквозного родства всей русской культуры без различия времен и классов» [18, с. 112]. Он защищал право творческой интеллиген-

ции на эксклюзивные материальные блага (ссылаясь на образ жизни, «соответствующий титулу», А.Н. Толстого) [18, с. 111–117]. Примерно тогда же в самом Ленинграде в газете «Смена» осуждали сорокапятилетнюю женщину-инженера, позволившую себе выразить радость по поводу возможности покупать и носить модные вещи [24, с. 86–88].

К потребительским интересам стали относиться иначе к концу 1990-х, когда в столице Гусейнов писал горькие слова о том, что интеллигенция променяла нравственное первородство на материальные блага, а В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов во глубине России описывали «джентльменский набор интеллигента»: «удобный, не обязательно роскошный, автомобиль, загородный дом или дачу, где можно вести буколические размышления, возможность передвигаться из страны в страну для отдыха или из любопытства и т.д.» [3, с. 80]. Самое неприемлемое заключалось, вероятно, не в том, что нашлись люди, радостно зажившие материально обеспеченной жизнью, а в том, что они признавались в этом, не испытывая угрызений совести. То есть, первым признаком отмирания «нравственного аскетизма» оказалось то, что люди впервые отказались от требуемых советским идеологическим этикетом оговорок, что «дело не в самих вещах – плохо, когда стремление получить эти вещи становится чуть ли не смыслом жизни. Когда машины, джинсы, магнитофоны и прочее станут легкодоступными, само собой произойдет выравнивание материального и духовного состояния человека» [24, с. 86–88].

Парадоксальным образом, когда к концу 1990-х гг. четко обозначились контуры этой «легкодоступности», вместо того, чтобы радостно провозгласить наступившее наконец «выравнивание материального и духовного состояния человека», объявили почему-то о гибели интеллигенции,

способной, как предполагалось, отвергать материальные блага с высоты своего духовного величия. Получается, что из всех возможных ценностных критериев, при помощи которых пытались выделить интеллигенцию как особую социальную группу (критическое отношение к власти, обязанности по отношению к народу, обостренное нравственное чувство) самым существенным оказалось специфическое отношение к материальным благам. Как только исчезла материальная почва для формирования этого специфического отношения, так было тут же заявлено, что интеллигенция пренебрегла духовными интересами или вовсе погибла. Или узнала, что можно называть себя «средним классом».

Однако у среднего класса на Западе есть отличие от русской интеллигенции гораздо более существенное, чем отношение к материальным благам: средний класс является опорой государства в том смысле, что его представители политически независимы. От их воли зависит существование власти, а не наоборот. Средний класс является еще и держателем социокультурного образца, действительного для всего общества в целом, выступает в роли культурного интегратора общества [3, с. 13]. То есть, в отличие от русской интеллигенции, «критическое отношение» которой к власти основано было на том, что за властью интеллигенция наблюдала со стороны, не будучи допущена к ней, и отсюда такое болезненное переживание собственного бессилия в виде «глубокого разлада», средний класс таких терзаний иметь не может, потому что является опорой государства. Пожалуй, для современного российского общества было бы гораздо лучше, если бы сформировался средний класс (в виде 60% независимых от государства людей), чем если сформировалась бы новая интеллигенция со всеми традиционно присущими ей комплексами.

Список литературы:

- [1] Арнольд А. Социалистическая интеллигенция и культурный прогресс. – М.: Московский рабочий, 1980. – 128 с.
- [2] Астахова В.И. Советская интеллигенция и ее роль в общественном прогрессе. – Харьков: Издательское объединение «Вища школа», 1976. – 156 с.
- [3] Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этос среднего класса: Нормативная модель и отечественные реалии. Научно-публицистическая монография / Под редакцией Г.С. Батыгина и Н.Н. Карнаухова. – Тюмень: Центр прикладной этики; НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2000. – 272 с.
- [4] Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. Изд-е 2-е, испр. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 368 с.
- [5] Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910 / Сост., коммент. Н.Казаковой; Предисл. В.Шелохаева. – М.: Мол. гвардия, 1991. – 462 с.
- [6] Вихавяйнен Т. Внутренний враг: борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции. / Пер. с англ. Е. Герасимовой и С. Чуйкиной. – СПб: Издательский дом «Коло», 2004. – 416 с.

- [7] Говорухин: интеллигенция – «говно нации»: Интервью. Азар И. // Lenta.ru – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2012/02/13/govorukhin/> (08.07.2012).
- [8] Дзись-Войнаровский Н. Стонать или не стонать? Экономисты выяснили, почему интеллигенты чаще имитируют оргазм. // Slon.ru. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://slon.ru/economics/pochemu_intelligenty_chashche_imitiruyut_orgazm_obyasnyayut_ekonomisty-734809.xhtml (01.09.2012)
- [9] Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. – М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2002. – 285 с.
- [10] Евтушенко Е.А. Размышления у черного хода / Евтушенко Е.А. Весь Евтушенко. – М.: СЛОВО / SLOVO, 2007. – С. 753–754.
- [11] Живов В.М. Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции / Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 685–704.
- [12] Ивановский государственный химико-технологический университет. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://main.isuct.ru/dept/hist/science> (11.07.2012).
- [13] Интеллигенция // Википедия – Свободная энциклопедия. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Интеллигенция> (25.08.2012)
- [14] Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. – М.: Наука, 1993. – 336 с.
- [15] Кантор В.К. «Веги» в контексте, или Интеллигенция как трагический элемент русской истории // Вопросы философии. – 2010. № 4. – С. 91–109.
- [16] Кормер В. Двойное сознание интеллигенции и псевдо-культура // Кормер В. Крот истории. – М.: Время, 2009. – С. 211–252.
- [17] Латынина Ю. Пушечное мясо для тов. Лимонова. Заметки рядового митингующего // Новая газета. – 2011, 12. декабря. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/columns/50029.html> (30.08.2012)
- [18] Лосото Е. Диалог. – М.: «Молодая гвардия», 1988. – 253 с.
- [19] Ожегов С.И. Словарь русского языка. Около 57000 слов. Изд. 11-е, стереотип. Под ред. Д-ра филолог. Наук проф. Н.Ю.Шведовой. – М.: Русский язык, 1975. – 846 с.
- [20] Раков В.П. Ивановский государственный университет. О терминологическом языке интеллигентоведения. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://rakov.su/O%20term%20yazike.pdf> (11.07.2012)
- [21] Святенков П. Интеллигенция в России умерла, потому что противопоставила себя народу // КМ.RU в России. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.km.ru/v-rossii/2012/04/18/vnutripoliticheskaya-situatsiya-v-rossii/intelligentsiya-v-rossii-umerla-potomu-> (08.08.2012)
- [22] Севастьянов А. Двести лет из истории русской интеллигенции // Наука и жизнь. – 1991, № 3 – С. 106–113.
- [23] Соколов А. Я хочу быть интеллигентом! – А я нет! Результаты диалогов с постсоветским студенчеством // Нева. – 2008, № 7. – С. 166–180.
- [24] Соловей П. Как удержаться на вершине. – М.: Издательство политической литературы, 1984. – 111 с.
- [25] Справочник по продукции Вивасан. – М., 2009. – 344 с.
- [26] Стоппард Т. Берег Утопии: Драматическая трилогия / Пер. с англ. А.Островского и С. Островского – М.: Иностранка, 2006. – 479 с.
- [27] Толстых В.И. Веги – 2009 // Вопросы философии. – 2009, № 9. – С. 132–141.
- [28] Толстых В.И. Мы были. Советский человек как он есть. – М.: Культурная революция, 2008. – 768 с.
- [29] Трофимов П.С. Эстетика марксизма-ленинизма. – М. «Советский художник», 1964. – 296 с.
- [30] Черепанова Р. «Заведомый антигерой»: русская интеллигенция в комплексах борьбы и подвижничества // Нева. – 2010, № 11. – С.165–186.
- [31] 2012: Рассерженные горожане или новая интеллигенция. Участники: С. Юрский, К.Ларина. // Эхо Москвы. Время выхода в эфир: 29.06.2012. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/year2012/903023-echo/> (08.07.2012)